

СВЕТЛАНА ДРОЗДОВА

ТАКСОПАРК.
ПЕПЕЛ



Светлана Дроздова

Таксопарк. Пепел

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Таксопарк. Пепел / С. В. Дроздова — «Автор», 2026

Марат Вергасов, бывший следователь, а нынче столичный таксист, распутывает тайну пожара в гостинице «Россия» 1977 года, унёсшего жизни сорока двух человек. В отцовском портфеле он находит документы, магнитофонные плёнки и записки, из которых следует: катастрофа была не случайностью, а спланированной операцией. Пять фигур — партийный идеолог Соколов, вор в законе Лакоба, иностранный покупатель Жак, дежурная Переверзева и отец Марата, следователь Давид Вергасов — образовали механизм, в котором пожар стал средством для передачи секретной военной технологии, отмыwania денег через ипподром и устранения неугодных свидетелей. Давид подписал ложное заключение о коротком замыкании, чтобы спасти сына от детдома, и получил орден за героизм, сломавший ему жизнь. Теперь Марат, движимый долгом памяти и жаждой правды, идёт по следам тех, кто ещё жив, — к генеральному директору строительного холдинга Ковалеву и престарелому Соколову, укрывшимся за стенами рублёвских особняков.

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Таксопарк. Пепел

Глава 46. Пять

Ноябрьский дождь за окном квартиры на Автозаводской не шумел. В Москве давно научились делать ливневки, которые справлялись с любым потоком, превращая стихию в глухой, монотонный гул где-то под асфальтом. Но сегодня, в три часа ночи, Марат слышал не воду. Он слышал тишину.

Она стояла в комнате плотной, осязаемой стеной. Третью неделю Марат пытался выспаться, но сон уходил вместе с запахом озона. После пожара в «Мерседесе» Хуты, после объятий сгоревшей заживо Галины, его нервная система переключилась на другую частоту. Он чувствовал электричество в воздухе. Там, где обычный человек ощущал лишь статический разряд от синтетического пледа, Марат улавливал дыхание смерти.

Он сидел за кухонным столом, освещенным лишь круглым пятном света от дешевой настольной лампы с зеленым абажуром. Перед ним веером лежали ксерокопии. Желтая бумага, шрифт старой пишущей машинки «Ятрань», плывущий по краям. Сона вытащила их из архива Мосгорисполкома, подкупив архивариуса не деньгами, а историей — она рассказала ему, что ищет правду о пожаре в «России». Архивариус оказался сыном одного из техников, чинивших радиорубку в семьдесят седьмом. Он не взял денег. Он просто открыл сейф.

Марат провел ладонью по лицу, стирая липкий холодный пот. Он смотрел на подпись внизу протокола изъятия вещдоков. Обычная фиолетовая мастика. Обычный канцелярский росчерк, смазанный на конце. Но буквы сложились в слово, которое ударило под дых сильнее, чем рука бандита.

«Старший следователь прокуратуры Замоскворечья Вергасов Д. И.»

Давид Ильич Вергасов. Отец.

Марат перечитывал дату снова и снова, надеясь, что зрение подводит его. 26 февраля 1977 года. Через день после того, как гостиница «Россия» превратилась в сорокаметровую доменную печь. Через день после того, как сорок две души превратились в статистику для сводок КГБ.

— Это невозможно, — прошептал Марат в пустоту кухни. — Меня тогда даже в проекте не было.

Но надпись на стене архивного хранилища, которую он вспомнил только сейчас — «ТЫ ТОЖЕ БЫЛ ТАМ», — вдруг перестала быть мистической угрозой перемещения во времени. Она оказалась страшнее. Это была констатация факта крови. Гостиница сожрала не только тех, кто оказался внутри стен. Она протянула свои обугленные руки сквозь десятилетия и схватила его отца за горло.

Марат смотрел на разложенные перед ним документы, и картинка, разрозненная и туманная, начала складываться в уродливый, пугающе четкий пазл. Пять человек. Пять фигур вокруг

шахматной доски, на которой вместо фигур стояли человеческие жизни. Марат взял карандаш и медленно, почти ритуально, написал имена на полях ксерокопии.

Пять.

Первый. Соколов. ЦК. Идеолог.

Марат никогда не видел его фотографий в деле. Соколов не оставлял следов на бумаге, он оставлял их в воздухе. Для него гостиница «Россия» была не зданием, а шахматной доской. В феврале семьдесят седьмого в Политбюро шла подкованная грызня перед очередным съездом. Нужна была чистка. Нужен был громкий, но контролируемый скандал, который позволил бы убрать неугодных из Министерства радиопромышленности и Академии наук.

Соколов продавал не просто технологии. Он продавал будущее. В папках, которые Давид Вергасов позже спрячет под ванной, упоминались чертежи установки направленного электромагнитного импульса. Советский ответ американской «Харп», только в миниатюре. Устройство, способное сжечь электронику целого авианосца или ослепить систему ПВО над целым регионом.

Соколов сидел в своем кабинете в здании на Старой площади. Он не марал руки. Он просто подписал бумагу о «закрытой межведомственной передаче опытных образцов для нужд дружественных стран соцлагеря». Формально — легально. Фактически — это был смертный приговор для тех, кто знал, как эта машина работает. Радисты с семнадцатого этажа «России» знали.

Второй. Лакоба. Криминал. Исполнитель.

В отличие от Соколова, Лакоба пах потом, дешевым табаком и кровью. Вор в законе, теневой хозяин ипподрома и подпольных цехов. Его задача была приземленной и грязной: обеспечить проход.

Марат перевернул страницу протокола осмотра места происшествия. Пожарные расчеты не могли войти в северное крыло семнадцать минут. лейтенант Сомов, начальник караула, погиб, потому что двери черного хода из сектора прачечной были заблокированы. Снаружи.

Лакоба не просто знал планировку гостиницы. Он ее контролировал. Прачечная «России» стирала белье для всей партийной элиты, и ключи от сервисных коридоров лежали у него в кармане. Марат представил, как Лакоба стоит в тени арки во внутреннем дворе. Он не смотрит вверх, где уже начинает тлеть крыша радиоузла. Он смотрит на часы. Он ждет сигнала.

Для Лакобы сорок два человека были «накладными расходами». Статистикой. Дымовой завесой. Марат читал между строк допросов выживших: Лакоба ушел через ту самую прачечную за пять минут до того, как первый пожарный топор ударил в дверь. Он знал, где полыхнет. Он сам принес канистры с авиационным бензином, который использовали для выведения пятен с дорогих костюмов номенклатуры. Идеальное топливо — выгорает без остатка, оставляя лишь запах озона и оплавленного металла.

Третий. Жак. Иностранец. Покупатель.

Самое слабое звено в документах. В протоколах он проходил как «представитель торгового атташе одной из стран-участниц СЭВ». Марат усмехнулся. Сухой канцелярский язык

скрывал акул. Жак не был социалистом. Он был капиталистом до мозга костей, работающим на западные разведки или транснациональные корпорации.

Ему не нужна была идеология Соколова и не нужны были связи Лакобы. Ему нужен был «черный ящик». Тот самый прототип, который собрали радисты на семнадцатом этаже.

Марат закрыл глаза, пытаясь реконструировать момент. Холодный февральский ветер во внутреннем дворе. Синяя «Волга» двадцать четвертой модели. Из нее выходит человек в безупречном, слишком теплом для Москвы пальто. Он не смотрит на Давида Вергасова, который курит у пролома в заборе. Жак смотрит на окна семнадцатого этажа. Он ждет, когда дым станет достаточно густым, чтобы подняться в лифте, пройти мимо оцепления под видом проверяющего из Минздрава и забрать сумку из рук мертвого инженера Тимошкина. Для Жака это просто вторник. Очередная сделка в городе, где люди исчезают так же легко, как утренний туман.

Четвертая. Переверзев. Дежурная. Фасад.

Марат взял отдельный лист — список сотрудников смены, дежурившей в ночь с 25 на 26 февраля. Елена Переверзева. Старшая по этажу.

Она была лицом легальности. Пока в подвалах Лакоба блокировал двери, а наверху Соколов по телефону успокаивал министра, Переверзева ходила по коридорам. Она стучала в номера. «Граждане, просим сохранять спокойствие, небольшое задымление в техническом помещении, лифты отключены в целях безопасности».

Марат с силой вдавил карандаш в бумагу, ломая грифель. Лифты. Радисты не могли спуститься, потому что лифты отключили централизованно. С пульта охраны. Который находился на первом этаже, в зоне прямой видимости стойки регистрации. Где дежурила Переверзева.

Она была связной. Не идейной, нет. Ее купили квартирой в Беляево и путевкой в Болгарию. Она переводила стрелки. Когда радисты пытались прорваться к лестницам, она говорила им, что ключи от эвакуационных выходов у инженера, а инженер «только что поднялся наверх проверить антенну». Марат видел это в сухих строчках объяснительных, которые Давид Вергасов заставил их написать под диктовку Смирнова. Переверзева улыбалась, глядя в глаза людям, которые через десять минут начнут задыхаться от угарного газа. Для нее это была просто работа. Фасад, за которым пряталась бездна.

Пятый. Давид Вергасов. Следователь. Гарантия безопасности.

Марат посмотрел на свою фамилию. Вергасов. Он провел пальцем по стеклу, за которым начинал сыпать мелкий дождь, превращая огни Садового кольца в размазанные акварельные пятна.

Давид не был ни идеологом, ни исполнителем, ни покупателем. Он был пятым элементом. Тем, что скрепляет конструкцию. Легальное прикрытие государства.

Марат вспомнил кассету. Голос отца, молодой, звенящий от ужаса и адреналина: «Мы заходили туда первыми. Там еще люди дышали. А потом приехал Комитет. Мужчины в одинаковых серых пальто. Они смотрели на нас, как на дворников, которые мусор метут не в ту сторону».

Роль Давида заключалась в том, чтобы прийти на пепелище, когда все сгорит, и написать правильный отчет. Сказать, что медь расплавилась от короткого замыкания в паяльнике, хотя температура плавления меди — тысяча три градуса, а датчики Петренко зафиксировали в шахте тысячу двести. Сказать, что Сомов погиб от случайного обрушения, а не потому, что ему приказали держать дверь, пока люди внутри не потеряют сознание.

Давид был гарантией того, что ни Соколов, ни Лакоба, ни Жак не сядут на скамью подсудимых. Он был печатью на сургуче, которым запечатывали ложь. И он подписал. Марат сжал кулак так, что побелели костяшки. Отец подписал смертный приговор сорока двум людям, потому что дома его ждал сын. Маленький. Год и три месяца.

Именно столько было Марату, когда его отец впервые вдохнул запах чужого пепла.

Финансовый хаб. Ипподром.

Марат отодвинул ксерокопии. Реконструкция встречи в кабинете Зимина была лишь половиной правды. Идеи и приказы не перемещают материальные ценности. Для этого нужны каналы.

Марат открыл банку из-под индийского чая, стоявшую на краю стола. Внутри, переложённые ветошью, лежали катушки магнитофонной ленты. Он вставил одну в старую «Язу-Мини», протер головки спиртом и нажал кнопку.

Шипение. Чистое, похожее на шум прибора. Затем — щелчок тумблера. Скрежет стула.

«...Лакоба нервничал, — голос отца на пленке был глухим, он говорил в подушку, чтобы не разбудить жену. — Он хотел наличные. Чемоданы. Идиот. В семьдесят седьмом чемоданы кэша — это расстрельная статья прямо в аэропорту. Я сказал ему: "Арам, мы не в Чикаго. Деньги пойдут через бега". Он не понял. Пришлось объяснять...»

Марат перемотал пленку. Дальше шла запись, сделанная, видимо, в машине, на диктофон «Электроника». Шум ветра, гул мотора.

«Соколов смеется. "Давид Ильич, вы мыслите категориями ОБХСС. Думайте масштабами Госплана". Ипподром. Это гениально. Лакоба принимает ставки. Миллионы рублей. Наличными. От цеховиков, от теневиков, от завмагов. Это грязные деньги, их нужно отмыть.

Лакоба ставит на заведомого аутсайдера. На клячу, которая сдохнет на первом круге. Ставка — государственная. Через подставной счет Министерства культуры.

В кассе ипподрома образуется излишек. Огромный излишек. Который по документам проходит как "выигрыш" подставного лица из аппарата ЦК.

В это же время в гостинице "Россия" проходит закрытый аукцион для иностранных делегаций. Переверзева проводит туда Жака по списку "почетных гостей". Жак платит валютой. Не долларами — золотыми слитками из запасов Внешторга. Слитки ложатся в банковскую ячейку на имя жены Соколова.

А Лакоба получает свои деньги. Чистые. Официальные. Выигрыш в государственную лотерею.

Круг замыкается. Сорок два трупа — это просто цена за то, чтобы перевести сто миллионов рублей из теневого нала в золотой запас партии. И передать технологию, которая стоит дороже всей нефти Сибири»...

Магнитофон щелкнул автостопом. Марат сидел неподвижно, глядя на крутящиеся пустые бобины.

Ипподром. Марат знал это место. Не тот парадный фасад с мраморными колоннами, который показывают в кино про старину. Он знал конюшни, подтрибунные помещения, прокурные кассы, где пахло псиной, дешевым портвейном и безнадёгой.

Лакоба был там царем. Ипподром — это идеальный пылесос для денег. Никто не задает вопросов, почему человек в потертом пальто только что поставил сто тысяч рублей на лошадь с коэффициентом сто к одному. «Везение», — скажет кассир. «Интуиция», — кивнет Лакоба.

Соколов использовал государственную машину как прикрытие для отмыва. Министерство культуры, спортивные общества «Труд» и «Буревестник» — все они были черными дырами в бюджете, куда можно было сбросить любой дефицит.

А Жак... Марат представил его в VIP-ложе. С бокалом французского коньяка, который официально в СССР не ввозился. Жак не смотрел на лошадей. Он смотрел на ложу Президиума. Он ждал, когда Соколов кивнет. В этот момент Переверзева внизу, в холле, передавала чемодан с технической документацией курьеру Жака.

Пять человек. Один механизм. И сорок две души, которые просто оказались не в том месте, когда этот механизм запустили.

Кабинет Зими́на. 12 марта 1977 года.

Марат физически ощутил запах того кабинета. Пыльный бархат штор, мастика для полов, застарелый табачный дым и едва уловимый, тревожный аромат озона, который, казалось, навсегда пропитал стены этого здания.

Давид стоит у окна, спиной к комнате. Ему двадцать восемь лет. У него дома, в Замоскворечье, мечется в лихорадке сын. Температура сорок. Жена плачет на кухне. А он стоит здесь, перед четырьмя теньями, и понимает, что если сейчас скажет «нет», то завтра его жена будет носить передачи в Лефортово, а сын вырастет в детском доме с клеймом «сына врага народа».

Соколов сидит в кресле Зими́на. Нога на ногу. Блестящие туфли. Он смотрит на Давида с легким презрением.

— Давид Ильич, — голос Соколова бархатистый, обволакивающий. — Вы же умный человек. Вы понимаете, что это не просто пожар. Это политика. ЦК чистит кадры перед съездом. Радисты... они работали на слишком многих. У них были связи с оборонкой, с ГРУ, с кем угодно. Они стали неуправляемыми. Мы дали им шанс уйти красиво. Они им не воспользовались.

Лакоба сидит на подоконнике, покачивая ногой. Он крутит в пальцах золотой портсигар.

— Красиво, — хрипит он. — У меня двенадцать человек внизу легло, пока мы двери держали. Мои люди тоже хотят премию, Давид. Не только медалями.

Жак стоит у глобуса. Он не говорит по-русски, но все понимает. Переводчик ему не нужен. Он смотрит на Давида пустыми глазами. В них нет ни злобы, ни жалости. Только ожидание. Он ждет, когда ему отдадут сумку.

Переверзева стоит у двери. Она смотрит в пол. Ее пальцы белые — она так вцепилась в ручку кожаной папки, что кажется, кости сейчас прорвут кожу.

Давид поворачивается от окна. Он достает из внутреннего кармана пиджака чистый бланк протокола.

— Я подпишу, — говорит он. Голос звучит глухо, словно из бочки. — Но списки персонала. Тех, кто выжил внизу. Их не должно быть в деле.

Соколов улыбается. Это страшная, неживая улыбка.

— Их там и не будет. Будет короткое замыкание. Паяльник. Халатность. Вы получите государственную награду, Давид. За мужество. А мы... мы просто продолжим строить светлое будущее.

Лакоба спрыгивает с подоконника. Подходит к Давиду. Кладет тяжелую руку ему на плечо.

— Хороший мальчик, — говорит он. — Умный. А теперь иди. У тебя сын болеет. Мы тут сами... подчистим.

Давид берет ручку. Фиолетовая мастика. Он ставит подпись там, где указано. «Старший следователь...».

В этот момент в кабинет входит Смирнов. Полковник. «Старый Лис». Он не смотрит на Давида. Он смотрит на Жака. Кивает. Жак едва заметно склоняет голову и выходит в приемную, где его ждет сумка с чертежами.

Смирнов подходит к столу. Наливает в граненый стакан воды из графина. Протягивает Давиду.

— Выпей, — говорит он. — И поезжай домой. Завтра я привезу тебе бутылку коньяка. И проект приказа о награждении. Ты герой, Давид. Ты спас страну от международного скандала.

Давид берет стакан. Его руки не дрожат. Они просто мертвые. Он выпивает воду и выходит из кабинета. В коридоре пахнет резиной и озоном. Как после грозы.

Настоящее. Квартира на Автозаводской.

Марат снял кассету. Пальцы были черными от типографской краски и магнитной пыли. Он чувствовал запах химикатов — фиксажа и проявителя. Запах отцовской тайны.

Телефон на столе завибрировал. Имя на экране заставило сердце пропустить удар. Сона.

— Ты не спишь, — сказала она вместо приветствия. Голос был напряженным, металлическим. — Я проверяла базу автопарка Управления делами КГБ. По описанию твоего отца. Синяя Волга. Спецсерия.

— Нашла? — выдохнул Марат.

— Распределение техники. Февраль семьдесят седьмого. Отдел наружного наблюдения. Оперативная группа полковника Дроздова. Машины закреплены за экипажами. Экипаж номер четыре. Старший — капитан Ребров. Водитель — сержант Ковалев.

— Мне нужны имена, Сона. Живые люди.

— Один мертв. Ребров умер в девяносто восьмом. Инфаркт. Второй... — Сона сделала паузу, слышалось быстрое клацанье клавиатуры. — Ковалев Аркадий Витальевич. Шестьдесят девять лет. Генеральный директор строительного холдинга «Строй-Вектор». Особняк в Барвихе. Член попечительского совета фонда ветеранов ФСБ. Неприкосновенен.

Марат сжал трубку так, что пластик захрустел. Ковалев. Аркадий.

Имя убийцы совпало с инициалами на акте уничтожения журнала регистрации. АКВ.

Сын полковника Дроздова и водитель группы прикрытия стали одним лицом. Династия огня.

— Соня, — голос Марата стал тихим, опасным. — Готовь термос. Ночь будет длинной. Игра перешла в эндшпиль. Мы идем не в архивы. Мы идем в гости.

— Марат, он раздавит тебя, — в голосе Соны звучал неподдельный страх. — Ты для него статистическая погрешность. Таксист с судимостью за хранение.

— Для него я — призрак, — Марат посмотрел на свой портфель, доставшийся от отца. — А призраки могут зайти куда угодно. Например, на стройплощадку элитного жилого комплекса «Русский Авангард», который возводит компания сына генерала-поджигателя. Скажи водителю, пусть прогревает мотор. Едем на Рублевку.

Он положил трубку. Подошел к зеркалу в прихожей.

Изможденное лицо. Седая щетина. И огромный, иссиня-черный кровоподтек на шее — пятерня Хуты, отпечаток пальцев покойника. Метка, которая останется навсегда.

Марат расстегнул воротник рубашки. Провел рукой по коже.

Затем он открыл шкаф и достал старую одежду. Джинсы. Черная водолазка. Куртка-аляска. Никаких брендов. Никакого премиального такси.

Одежда рабочего человека. Человека, которого никто не запоминает.

Перед выходом он остановился. Вернулся к столу. Взял фотографию отца. Молодой Давид смотрит серьезно, чуть исподлобья.

Марат аккуратно отрезал кусок паспарту снизу. Перевернул. На обратной стороне почерком отца было выведено:

«Не бойся огня, сынок. Бойся тех, кто держит спички. Особенно если эти спички оплачены из бюджета СССР. Целую. Батя».

Марат сунул фото во внутренний карман куртки, ближе к сердцу.

Хлопнула входная дверь. Звук прокатился по лестничной клетке эхом выстрела. Сорок две души ждали своего часа. Отец ждал ответа.

Марат вызвал обычный лифт. Кабина приехала с грохотом, открывая темные деревянные двери. Он шагнул внутрь, и створки сомкнулись, отрезая его от прошлой жизни таксиста.

Наверху, на парковке, ждало обычное желтое такси эконом-класса. Без тонировки. Без кожи.

Машина, в которой можно незаметно подъехать к воротам любой крепости. Даже если эта крепость построена на костях гостиницы «Россия».

Коробка из-под обуви. Дача в Малаховке. Пять лет назад.

Марат не спал.

Сон, тяжелый и вязкий, как расплавленный гудрон, накрыл его лишь под утро, когда за окном Автозаводской начало сереть небо. Три года он существовал в ритме ночного хищника: засыпал на рассвете, просыпался к закату. Его биологические часы были синхронизированы с пульсом Садового кольца. Но сегодня механизм дал сбой. Он открыл глаза в девять утра — время, которое для него было глубоким биологическим полднем, — от ощущения физической тяжести в груди.

Это была не тоска. Это был вес.

Он лежал на диване, глядя в потолок, покрытый сеткой мелких трещин, похожих на карту высохшего русла. Вчера ночью, после разговора с Соной и визита к Смирнову, воздух в квартире изменился. Он стал густым, осязаемым. Марат чувствовал его плотность кожей. Запах озона, принесенный призраком инженера Тимошкина, смешивался с запахом старой пыли, который всегда сопровождал возвращение в прошлое.

Он встал. Тело протестовало — мышцы ныли, словно после драки, суставы отзывались тупой болью на каждое движение. Прошлой ночью он перешагнул черту. Разговор с матерью о Давиде Вергасове взломал плотину, которую он строил десятилетиями.

Тишина квартиры давила. Марат прошел на кухню. На столе стоял остывший чайник, рядом — стакан с недопитым чаем. Линолеум под ногами лип к подошвам домашних тапочек. Всё здесь кричало о временности, о том, что хозяин — просто транзитный пассажир. Но сейчас эта квартира казалась единственным островом реальности в океане безумия.

Марат подошел к старому платяному шкафу из ДСП, покрытому пленкой под темное дерево. За три года жизни здесь он ни разу не открывал правую створку. Там висели вещи отца. Те самые, которые остались после похорон пять лет назад. Мать хотела выбросить всё сразу — она ненавидела эту квартиру, этот город и воспоминания, связанные с работой мужа. Но Марат запретил. Не из сентиментальности. Из инстинкта архивариуса, который знает: улика может лежать годами, прежде чем стать доказательством.

Дверца шкафа скрипнула так громко, что Марат вздрогнул. Внутри пахло нафталином и сухой пылью. Пиджаки, рубашки, стопка старых журналов «Наука и жизнь» на нижней

полке. Марат присел на корточки. Отодвинул коробки со старыми елочными игрушками. Рука наткнулась на холодный картон.

Коробка. Обувная. Перевязанная бельевой веревкой.

Сердце ударило в ребра тяжело, как молот по наковальне. Марат вытащил коробку. Она оказалась легче, чем он ожидал. Бумага почти ничего не весит.

Он сел прямо на пол, спиной привалившись к холодной батарее отопления. Ноги затекли, но он этого не заметил. Пальцы, привыкшие развязывать узлы на упаковках вещдоков, быстро справились с бечевкой. Крышка откинулась с глухим стуком.

Внутри не было денег. Не было золотых часов или тайных дневников. Только бумага. Спрессованная временем, пожелтевшая, хранящая запах другого государства, которого больше нет.

Первым сверху лежал конверт из плотной оберточной бумаги. Заклеенный широкой полосой скотча. Марат поддел его ногтем. Скотч хрустнул, как сухая кость.

Внутри — газета. Вырезка. Желтая, ломкая. Заголовок жирным шрифтом:

«ГЕРОИЗМ СОВЕТСКИХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ. ПРИЧИНА ТРАГЕДИИ В ГОСТИНИЦЕ "РОССИЯ" УСТАНОВЛЕНА».

Газета «Труд». 1 марта 1977 года.

Марат взял вырезку двумя пальцами. Бумага крошилась по краям. Он пробежал глазами по строчкам, чувствуя, как желчь подступает к горлу.

«Благодаря самоотверженной работе следственной группы Прокуратуры города Москвы во главе с начальником отдела... установлена техническая причина возгорания гостиницы „Россия“. Короткое замыкание электропроводки в радиоузле на двадцать втором этаже, усугубленное халатностью сотрудников узла связи...»

Дальше шли фамилии. Инициативная группа. Ордена Трудового Красного Знамени. Упоминание старшего следователя прокуратуры Замоскворечья Давида Ильича Вергасова. «За проявленное мужество и профессионализм при установлении причин техногенной катастрофы представлен к государственной награде».

Марат смотрел на фамилию отца. Давид. Имя, которое он носил молча, как скрытое клеймо.

Награда. За ложь.

Его отец получил орден за то, что подписал смертный приговор сорока двум людям. За то, что согласился назвать убийство системой спецопераций технической неисправностью.

Руки задрожали. Не мелкой дрожью страха, а крупной, болезненной судорогой ярости. Той самой яростью, которая копится годами в тишине, пока не превращается в бетонную плиту.

Под газетой лежал листок. Обычный тетрадный лист в клетку, вырванный из середины. Бумага пожелтела сильнее газеты, края истрепались. Марат развернул его осторожно, боясь, что текст рассыплется прахом.

Почерк. Узнаваемый наклон вправо, характерный для людей, пишущих много и быстро. Почерк прокурора. Четкий, каллиграфический. Но сами буквы плясали. Давление на бумагу было таким сильным, что стержень шариковой ручки продавил лист насквозь, оставив вмятины, похожие на кратеры.

«Журнал. Комитет забрал оригинал на третий день. Смирнов пришел сам. Сказал — отстранен до выяснения обстоятельств. По факту — выкинули на улицу. Меня трясло. Лена плакала. Антон (сын) болеет. Температура.

Лакоба — это наживка для дураков. Дымовая шашка. Они сожгли здание, чтобы скрыть списки гостей семнадцатого этажа. Сорок два человека — это накладные расходы. Статистика. Но они забыли про персонал. Про тех, кто видел их лица внизу.

Главное — не кто сгорел. Главное — кто отдал приказ открыть газовые вентили в коллере. Кто сказал Сомову стоять у дверей и не выпускать персонал.

Список из семи фамилий. Я знаю троих. Остальные... нужно искать в другом месте. Если со мной что-то случится, Марат...»

На этом текст обрывался. Буквы становились неразборчивыми, уходя вниз листа рваным зигзагом. Словно рука писавшего внезапно потеряла опору. Или сознание.

Марат перечитал записку трижды. Каждое слово вбивалось в мозг гвоздем.

Смирнов. Старый Лис. Тот самый куратор из Комитета, чей голос звучал в голове Марата сквозь помехи кассет.

Списки. Не только Лакоба. Список из семи фамилий.

Отец знал. Всё это время. Он жил с этим знанием пять лет — от пожара до своей смерти от инфаркта в пустой квартире. Он выбрал сделку. Жизнь сына вместо правды мертвецов.

Марат положил листок на стол. Пальцы оставляли влажные следы на дереве. Он посмотрел на свои руки. Левая кисть мелко тряслась. Адреналин схлынул, оставляя после себя пустоту и звенящий холод.

— Ты тоже был там, — прошептал Марат в тишину кухни.

Фраза, услышанная им вчера в коридорах архива КГБ, перестала быть мистической угрозой перемещения во времени. Она стала констатацией генетического факта. Кровь позвала кровь. Система, убившая сорок два человека в семьдесят седьмом, протянула свою руку сквозь десятилетия и схватила его отца. А теперь держала за горло его самого.

Телефон разразился резким треском, заставив Марата дернуться. Старая Nokia на столе прыгнула, вибрируя.

Звонила Сона.

Марат смотрел на экран несколько секунд, прежде чем нажать кнопку ответа. Звук собственного дыхания казался ему оглушительным.

— Да?

— Ты не спал, — голос Соны был лишен эмоций, стерил, как стекло операционной. — Голос мертвый. Что случилось? Нашел в коробке что-то кроме паутины?

— Газету, — хрипло ответил Марат. — «Труд». Первое марта. Награда за героизм. Фиолетовая мастика на подписи. Красиво.

— Понятно, — в её голосе не было удивления. Люди вроде неё давно перестали верить в совпадения. — Значит, папочка знала.

— Он продал душу, Сона, — Марат провел рукой по лицу, кожа показалась чужой, бумажной. — Чтобы меня не сдали в детдом. Смирнов поставил ультиматум. Подписать отчет о коротком замыкании или лишиться родительских прав. Отец выбрал меня. Получил орден. И сломанную психику до конца дней.

— Добро пожаловать в клуб детей империи, — тихо сказала Сона. — Мы все чьи-то сироты.

Марат промолчал. Он смотрел на коробку на полу. Остальное содержимое ждало своего часа.

— Что у тебя? — спросил он.

— Ковалев, — выдохнула Сона. — Аркадий Витальевич. Сын нашего друга полковника Дроздова.

— Живой?

— Более чем. Шестьдесят девять лет. Генеральный директор строительного холдинга «Строй-Вектор». Особняк в Барвихе. Член попечительского совета фонда ветеранов ФСБ. Неприкосновенная мразь. Акции, офшоры, яхты. Папаша оставил ему империю, построенную на костях радистов.

— Список пассажиров, — медленно произнес Марат. — Тех самых семи фамилий. Отец начал составлять список.

— Где? — голос Соны стал жестким, сухим щелчком взводимого курка.

— Здесь. В тексте. Он пишет: «Список из семи фамилий. Я знаю троих». Но дальше бумага порвана. Нам нужен оригинал того журнала регистрации. Настоящий. Не та туфта, которую подсунули прессе.

— Архивы ГБ закрыты наглухо, — напомнила Сона. — Мы уже пытались через официальные каналы. Нас пошлют лесом.

— Значит, пойдем неофициально, — Марат встал. Тело слушалось плохо, колени хрустнули. — Мне нужна одежда. Та, что не выглядит как реклама успешного успеха.

Он прошел в спальню. Однокомнатная коробка встретила его спертым воздухом. Обои цвета старого чая отслаивались у радиатора. Марат открыл шкаф. Среди вешалок с дешевыми рубашками и джинсами нашел то, что искал. Черный костюм. Дорогой, купленный еще в годы службы, перед самым увольнением. Сейчас ткань казалась траурной.

Рядом висел старый плащ-алюска темно-зеленого цвета. Марат снял его с вешалки. Ткань пахла нафталином и улицей.

Он начал раздеваться. Джинсы, футболка с логотипом какой-то рок-группы — атрибуты его нынешней фальшивой жизни таксиста-призрака падали на пол бесформенной кучей. Марат остался в одних трусах. Холодный воздух обжег кожу.

Он надел черные брюки. Застегнул ремень. Натянул водолазку. Затем — пиджак. Костюм сидел мешковато; за три года он похудел килограммов на пятнадцать. Когда-то этот размер был формой. Теперь это был маскарадный костюм.

Марат подошел к зеркалу в прихожей. Старое зеркало в облупленной пластиковой раме отразило чужака. Осунувшееся лицо, седая щетина трехдневной давности, морщина между бровями, ставшая шрамом.

Но дело было не в лице. Дело было в глазах.

Из зеркала на него смотрел не таксист-неудачник, прячущийся от алиментов и прошлого. На него смотрел вороненый ствол. Следовательно. Бешеный пес системы, которому спустили цепь.

Марат достал из кармана куртки жетон частного охранного предприятия «Премиум-Лайн», болтавшийся на шее на цепочке. Символ его унижения. Знак того, что лучший выпускник юрфака превратился в обслуживающий персонал.

Он сжал металл в кулаке. Хруст пластика прозвучал в тишине комнаты удовлетворенно. Марат бросил жетон в мусорное ведро.

Затем он вернулся к кухонному столу. Открыл коробку отца.

Там, среди старых квитанций и ключей, лежало то, ради чего Давид Вергасов пошел на сделку с дьяволом.

Черный кожаный портфель. Потертый, с тусклыми латунными замками. Портфель советского прокурора.

Марат поднял его. Вес оказался неожиданно тяжелым. Не физическим — символическим. Он положил портфель на диван. Достал из кармана швейцарский нож. Поддел замки.

Щелчок.

Звук сработавшей пружины эхом разнесся по квартире.

Внутри не было золота партии.

Там была работа.

Сверху лежала банка из-под индийского чая. Внутри — плотно скрученные рулоны фотопленки. Советская черно-белая КН-3. Марат взял один рулон, поднес к свету. Кадры засвечены, эмульсия пошла пузырями от времени, но контур здания угадывался. Темные провалы окон.

Рядом — катушка магнитофонной ленты МК-60. И самодельный переходник для бобинного магнитофона.

Марат почувствовал, как внутри поднимается тяжелая, горячая волна. Ему показалось, что отец сидит сейчас в этой же комнате, смотрит на него поверх очков и одобрительно кивает.

— Я не подведу, батя, — тихо сказал Марат в пустоту. — Мы закончим твой список.

Он закрыл портфель. Замки щелкнули сухо и деловито. Марат накинул плащ-алюску, проверил, надежно ли спрятан во внутреннем кармане нож.

За окном начало светать. Ноябрьское, серое, безжизненное утро. Идеальная погода для того, чтобы ехать на Рублевку и задавать вопросы людям, которые давно забыли, что такое страх.

Марат выключил зеленую лампу. Квартира погрузилась в полумрак, освещенный лишь мертвенным светом уличного фонаря. Тень от рамы окна легла на пол, перечеркнув комнату пополам.

Марат шагнул из тени в свет.

Игра перешла в эндшпиль. И Марат Вергасов играл черными фигурами, которым нечего терять, кроме чужой крови на своих руках.

Глава 47. Кто поджёт

****21:00****

Латунная ручка номера четыреста двенадцать обожгла холодом ладонь, но Давид Вергасов этого не почувствовал. Адреналиновый шторм, бушевавший в его крови последние три часа, схлынул так же внезапно, как и начался, оставив после себя звенящую пустоту и дрожь в коленях. Он вышел в коридор, плотно притворив за собой дверь. Щелчок английского замка прозвучал в ватной тишине гостиницы «Россия» неестественно громко — словно выстрел из мелкокалиберного пистолета с глушителем.

В коридоре пахло озоном. Этот резкий, медицинский запах электрического разряда преследовал Давида еще с той минуты, когда он спустился в технический коллектор под четырнадцатым этажом. Там, среди переплетения кабелей и труб отопления, воздух был наэлектризован до такой степени, что волосы на руках вставали дыбом, а медные контакты искрились при малейшем прикосновении. Формально он только что покинул номер высокопоставленного чиновника из аппарата ЦК после допроса. Фактически — вырвался из камеры пыток, где палачами выступали не кулаки Лакобы, а безупречные манишки столичных идеологов.

Давид сделал первый шаг по ковролину цвета запекшейся крови. Двадцать четвертый этаж жил своей обычной гостиничной жизнью: где-то в дальнем конце мягко закрылась дверь, прошелестел лифт, приглушенно смеялись постояльцы у лифтового холла. Никто из них не знал, что десятью этажами ниже, в герметичном бетонном мешке технического этажа, запущен невидимый часовой механизм.

Взгляд Давида метнулся к латунным цифрам над лестничным пролетом. Стрелки часов внизу, в лобби, наверняка показывают ровно девять вечера. Для протокола это время станет точкой отсчета. Моментом, когда старший следователь прокуратуры Замоскворечья официально перестал иметь отношение к происходящему внутри стен. Он глубоко вдохнул, пытаясь унять тошноту. Запах озона здесь смешивался с дешевым цветочным освежителем воздуха для санузлов, создавая чудовищный парфюмерный аккорд гниющего рая.

Он пошел быстрее, стараясь не смотреть на двери номеров. За каждой из них сейчас сидели люди: читали газеты, пили чай из тяжелых подстаканников, смотрели программу «Время». Живые, теплые, дышавшие. Сорок две души, которые превратятся в статистику пожарной охраны через двадцать четыре минуты. Давид чувствовал себя прокаженным. Он нес на подошвах своих дорогих югославских туфель радиоактивную пыль чужой вины.

У поворота в хозяйственный блок, ведущий к черному ходу через прачечную, он остановился. Инстинкт следователя, въевшийся в позвоночник сильнее костной ткани, заставил его замереть. Воздух здесь был другим. Озон стал гуще, почти осязаемым, тяжелым, как мокрое сукно. К нему примешивался другой аромат — сладковатый, приторный запах высокооктано-

вого бензина. Того самого, авиационного, который использовали в элитных ведомственных АЗС и которым выводили пятна крови с дорогого сукна в химчистках ипподрома.

Давид медленно повернул голову. Пожарный щит на стене выглядел обычно: красный ящик, свернутый в кольцо брезентовый шланг, топор. Но краска на ящике чуть заметно пузырилась, хотя в коридоре было прохладно. И от щели под дверью хозяйственного блока тянуло сквозняком, пахнущим смертью.

— Чертов идиот, — беззвучно прошептал Давид, обращаясь то ли к Лакобе, то ли к самому себе. — Ты перестарался.

Он посмотрел на свои руки. Они больше не дрожали. Холод, поднявшийся от каменного пола, заморозил остатки страха. Давид Ильич Вергасов, тридцати двух лет от роду, отец годовалого сына, понял, что если сделает еще хоть один шаг в сторону лестницы, ведущей к спасительному выходу, то навсегда перестанет быть человеком. Он станет просто функцией. Печатью на лживом отчете.

Секундная стрелка его наручных часов «Луч» сделала едва заметный рывок. 21:01. У него оставалось двадцать три минуты форы. Двадцать три минуты жизни тех, кто заперт выше. Лифты. Радисты с семнадцатого этажа никогда не выберутся пешком сквозь оцепление КГБ, которое Смирнов введет в здание сразу после сигнала. А лифты отключит Переверзева. Старшая по этажу уже получила свою путевку в Болгарию и квартиру в Беляево. Она сидит внизу, улыбается гостям у стойки регистрации и ждет кодового слова по телефону внутренней связи.

Давид сглотнул вязкую слюну. Огонь должен уничтожить всё. Бумаги, чертежи установки направленного импульса, тела радистов и следы присутствия Соколова. Идеальная кремация государственной тайны. Кроме одного человека. Его самого. Потому что формально он здесь даже не живет. В журнале регистрации напротив его фамилии стоял жирный прочерк, сделанный рукой дежурной пять минут назад. Он — тень. Призрак. Человек, которого система решила оставить в живых, чтобы было кому подписать некролог.

Он развернулся и быстро, почти бегом, двинулся к лестнице черного хода. Подошвы туфель глухо стучали по бетону. Звук отдавался в пустой грудной клетке набатом. Только бы успеть выйти во двор до того, как сработает таймер. Только бы не видеть их лиц в последние секунды.

****21:24****

Мир разделился на «до» и «после» без всякого звука. Сначала исчез свет. Лампы дневного света в коридоре мигнули дважды и погасли, погрузив пространство в густой, нефтяной мрак. Затем пришла ударная волна.

Она родилась не в пламени. Она родилась в давлении. Гостиница «Россия», этот сорокаметровый бетонный колосс, выдохнула. Пол под ногами Давида, стоящего уже тремя этажами ниже, во внутреннем техническом дворе, подпрыгнул. Не затрясся, как при землетрясении, а именно упруго прыгнул вверх, подбросив тяжелые ящики с песком. Сверху, из вентиляционных решеток первого этажа, со свистом рванул раскаленный воздух.

А потом пришел звук. Низкий, утробный гул, переходящий в оглушительный рев форсунок. Это не была деревянная мебель или шторы. Это горела сталь перекрытий и плавился

бетон. Температура в шахте радиоузла, согласно физическим законам, которые Давид вбивал себе в голову весь вечер, достигла тысячи двухсот градусов Цельсия. Температура плавления меди — тысяча восемьдесят. Вопрос, откуда взялся лишний жар, получил свой ответ. Канистры Лакобы сделали свое дело.

Огненный шар вырвался из подвальных окон северного крыла, выбивая массивные чугунные решетки. Фасад гостиницы вспыхнул целиком, от фундамента до шпиля, словно его облили напалмом изнутри. Огромное красное зарево осветило ночную Москву, памятник Минину и Пожарнику и заснеженные купола Зарядья. Ноябрьский дождь мгновенно превращался в пар, не долетая до стен.

Давид стоял, привалившись плечом к кирпичной арке выезда карет скорой помощи. Он не упал, хотя взрывная волна швырнула его на землю. Он смотрел на окна семнадцатого этажа. Там, за толстым стеклом, которое сейчас темнело и шло трещинами от термического удара, были они. Четверо. Те, ради кого вся эта машина смерти пришла в движение.

Время замедлилось. Давид видел каждую деталь с ужасающей, невозможной четкостью. Вот лопнуло стекло в номере четыреста семь. Из проема выплеснулось облако густого, черного дыма, подсвеченное оранжевым снизу. Дым втянулся обратно внутрь, повинувшись обратной тяге — огонь выжигал кислород, создавая вакуум.

Где-то там, в этом вакууме, лейтенант Сомов, начальник караула пожарных, уже оседал на пол вестибюля. Марат писал об этом в своем расследовании, опираясь на сухие строчки протоколов. Давид помнил живого человека. Помнил, как Сомов пытался вытолкнуть двоих мальчишек-посыльных через окно буфета, разбивая кулаки о бронированное стекло. Помнил, как маску респиратора сорвало с его лица взрывной волной, когда рухнул зимний сад на крыше. Сомов задохнется через три минуты, сидя в идеальной, прямой позе, привалившись спиной к холодной облицовке чугуна. Герой системы, которой на него плевать.

На пятом этаже распахнулась балконная дверь. На фоне ревушего ада возник силуэт женщины в ночной рубашке. Она успела сделать лишь один шаг наружу, прежде чем поток огня из разбитого окна напротив слизнул ее. Вспышка была белой, мгновенной. Женщина рассыпалась пеплом прямо в воздухе. Ее крик потонул в реве пожара.

— Откройте! Мы горим! — раздалось из окна третьего этажа. Голос захлебывался гарью.

Никто не открыл. Давид знал почему. Двери сектора прачечной были заблокированы снаружи. Люди бросались на металл, ломая ногти и ключицы, пока угарный газ не начинал ласково гладить их по затылку, обещая сладкий сон. Лакоба контролировал планировку. Его люди легли костями в том коридоре, держа оборону против пытающихся спастись гостей, пока бензин делал свою работу. Двенадцать человек Лакобы сгорели вместе с жертвами. Накладные расходы.

Синяя «Волга» двадцать четвертой модели стояла в тени деревьев на Варварке, метрах в ста от эпицентра. Водитель Аркадий Ковалев заглушил мотор, но фары выключать не стал. Он вышел из машины, обошел капот и достал пачку «Столичных». Руки его не тряслись. Он чиркнул спичкой о коробок, прикурил и спокойно смотрел, как превращается в доменную печь самое высокое здание отеля в Европе.

Из пассажирской двери вылез тот самый Серый. Куратор. Полковник Смирнов собственной персоной. Он не надел пальто, несмотря на ледяной дождь. Стоял в сером костюме, расстегнув воротник рубашки, и смотрел наверх. В свете пламени его лицо казалось высеченным из старого воска — плоское, незапоминающееся, идеальное лицо функционера Комитета. Он докурил сигарету до фильтра, бросил ее в лужу и растер мыском начищенного ботинка. Затем кивнул Ковалеву. Тот щелчком отбросил окурок и сел за руль. Синяя «Волга» плавно тронулась с места и растворилась в клубах черного дыма, накрывшего Зарядье.

Давид оттолкнулся от стены. Колени наконец подогнулись, и его вывернуло желчью прямо на грязный снег. Желудок был пуст, поэтому спазмы выворачивали внутренности наизнанку. Он уперся руками в колени, тяжело дыша. Лицо горело от жара, хотя до здания было сто метров. Волосы на голове начали скручиваться от поднимающегося теплового потока.

Пожарные расчеты прибудут через семь минут. Комитет — через три. Сейчас, в эти оставшиеся минуты абсолютного хаоса, автоматика здания делает всю грязную работу за убийц. Датчики температуры плавятся, замыкая реле резервного питания. Газовые магистрали в подвалах открываются дистанционно, подавая дополнительную смесь в очаг возгорания. Система пожаротушения выдает пену, которая под воздействием тысячеградусного жара распадается на фосген.

Сорок две души ждали своего часа. Отец ждал ответа.

****Настоящее время. Квартира на Автозаводской. Три недели спустя.****

Магнитофонная лента закончилась с сухим, механическим щелчком автостопа. Бобины остановились. Но звон в ушах Марата не прекратился. Он сменил частоту звучания, превратившись из шипения старой пленки в тяжелый, свинцовый гул внутри черепной коробки.

Комната на Автозаводской казалась нереальной. После запаха озона, жженой резины и химического фиксажа, которыми провоняла кухня после проявки отцовских негативов, обычный запах кислых щей от соседей и пыли показался инопланетным. Марат сидел на табурете, вцепившись побелевшими пальцами в край кухонного стола. Костяшки пальцев болели так, будто он голыми руками пробил кирпичную кладку.

Голос отца... Молодой, звонкий, лишенный прокурорской меди. Голос человека, которому двадцать восемь и который еще верит, что закон может победить систему. Марат слушал эту кассету трижды. Первый раз — чтобы убедиться, что слух его не подводит. Второй раз — чтобы запомнить каждое слово, каждую оговорку, каждый вздох между предложениями. Третий раз — чтобы позволить этой правде убить в себе таксиста-неудачника и воскресить того, кем он должен был стать по праву рождения.

«Я трус, сын. Я подписал. Я отдал им пленку...» — эхом билось в висках.

Марат провел ладонью по лицу. Кожа под пальцами была влажной и липкой. Он встал. Ноги плохо слушались, суставы отзывались тупой болью — следствие драки с Хутой и трех суток адреналинового истощения. Он подошел к старому зеркалу в прихожей, висевшему над тумбой для обуви. Зеркало пошло темными пятнами по краям, искажая отражение.

На Марата смотрел чужак. Осунувшееся лицо, заросшее седой колючей щетиной. Глаза ввалились, окруженные сизыми тенями. Но страшнее всего была шея. Огромный, иссиня-черный кровоподтек в форме пятерни. Отпечаток пальцев покойника Хуты. Метка, которая теперь останется с ним навсегда, багровым клеймом перечеркивая любую попытку вернуться к нормальной жизни.

Марат расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Провел пальцем по гематоме. Боль была тупой, далекой. Физическая боль стала для него просто фоновым шумом, вроде гула трамваев за окном. Настоящая агония жила глубже — в синапсах, в памяти клеток, в генетическом коде, который сегодня ночью окончательно мутировал.

— Ты тоже был там, — прошептал он своему отражению.

Фраза, нацарапанная на стене архивного хранилища, перестала быть мистической угрозой перемещения во времени. Она оказалась страшнее. Констатацией факта крови. Гостиница сожрала не только тех, кто оказался внутри стен февральской ночью семьдесят седьмого. Она протянула свои обугленные руки сквозь десятилетия и схватила сначала его отца, а теперь добралась до горла самого Марата.

Он отвернулся от зеркала. Прошлое нужно было хоронить. Буквально.

Марат вернулся на кухню. Достал из мусорного ведра жетон частного охранного предприятия «Премиум-Лайн». Пластиковый прямоугольник с его фотографией пятилетней давности — тогда он еще верил, что увольнение из органов временная мера, способ пересидеть внутреннюю проверку. Символ его унижения. Знак того, что лучший выпускник юрфака превратился в обслуживающий персонал для скучающих мажоров.

Металл цепочки впился в кожу ладони. Марат сжал кулак. Раздался сухой треск ломающегося пластика. Осколки жетона полетели в переполненное мусорное ведро.

Тишина квартиры давила. Марат прошел в спальню. Однокомнатная коробка встретила его спертым воздухом неудачника. Обои цвета старого чая отслаивались от стены у радиатора. Линолеум лип к босым ступням. Всё здесь кричало о временности, о транзитном статусе жилья. Но сейчас эта квартира казалась единственным островом реальности в океане безумия, начавшегося с запаха горелого пластика в «Мерседесе» Хуты.

Он открыл шкаф. Среди вешалок с дешевыми футболками, растянутыми худи и потертыми джинсами нашел то, что искал. Черный костюм-двойку. Дорогой, итальянской шерсти, купленный еще в годы службы, перед самым увольнением, на последнюю приличную премию. Сейчас ткань казалась траурной. Пиджак покрылся тонким слоем пыли. Рядом висел старый плащ-алеска темно-зеленого цвета, жесткий от старости.

Марат начал раздеваться. Джинсы, носки с дыркой на большом пальце, футболка с логотипом рок-группы «Кино» — атрибуты его нынешней фальшивой жизни падали на пол бесформенной кучей. Он остался в одних трусах. Холодный воздух обжег кожу, приводя в чувство.

Он натянул черные брюки. Застегнул ремень. Натянул водолазку, скрывающую татуировку на плече, которую он набил по пьяни в девяностых. Затем — пиджак. Костюм сидел мешковато; за три года жизни в режиме ночного хищника Марат похудел килограммов на пятнадцать.

Когда-то этот размер был его формой, второй кожей. Теперь это был маскарадный костюм призрака.

Он снова подошел к зеркалу. Старое стекло отразило мертвеца. Осунувшееся лицо, морщина между бровями, ставшая глубоким шрамом, плотно сжатые губы. Но дело было не в лице. Дело было в глазах. Из зеркала на него смотрел не таксист, прячущийся от алиментов и прошлого. На него смотрел вороненый ствол. Следовательно. Бешеный пес системы, которому наконец спустили цепь.

Телефон на столе завибрировал, заставив Марата дернуться. Старая кнопочная Nokia прыгнула по клеенке. Имя на экране заставило сердце пропустить удар.

Сона.

Марат смотрел на зеленоватый экран несколько секунд. Звук собственного дыхания казался ему оглушительным, как работа компрессора.

— Да? — голос был хриплым, неживым.

— Ты не спал, — голос Соны был лишен эмоций, стерилен, как стекло операционной. — Голос мертвый. Что случилось? Нашел в коробке что-то кроме паутины?

— Газету, — ответил Марат. — «Труд». Первое марта семьдесят седьмого. Награда за героизм. Фиолетовая мастика на подписи отца. Красиво.

— Понятно, — в её голосе не было удивления. Люди вроде неё давно перестали верить в совпадения. — Значит, папочка знал.

— Он продал душу, Сона, — Марат провел рукой по лицу, кожа показалась чужой, бумажной, готовой порваться. — Чтобы меня не сдали в детдом. Смирнов поставил ультиматум. Подписать отчет о коротком замыкании в радиоузле или лишиться родительских прав и отправиться валить лес. Отец выбрал меня. Получил орден Трудового Красного Знамени. И сломанную психику до конца дней.

— Добро пожаловать в клуб детей империи, — тихо сказала Сона. — Мы все чьи-то сироты. Государство трахает наших родителей, а платить по счетам приходится нам.

Марат промолчал. Он опустил взгляд на картонную коробку из-под обуви, стоящую на полу рядом с диваном. Остальное содержимое ждало своего часа. Портфель отца. Банка из-под индийского чая с фотопленками КН-3. Катушка магнитофонной ленты МК-60.

— Что у тебя? — спросил он, переводя тему. Разговоры о чувствах сжигают время, а времени у них не было.

— Ковалев, — выдохнула Сона. Марат слышал по звуку, как она затягивается сигаретой. — Аркадий Витальевич. Сын нашего друга полковника Дроздова.

— Живой?

— Более чем. Шестьдесят девять лет. Генеральный директор строительного холдинга «Строй-Вектор». Особняк в Барвихе. Член попечительского совета фонда ветеранов ФСБ. Неприкосновенная мразь. Акции, офшоры, яхты в Монако. Папаша оставил ему империю, построенную на костях радистов с семнадцатого этажа.

Марат закрыл глаза. Ковалев. Аркадий. Имя убийцы совпало с инициалами на акте уничтожения журнала регистрации выездов, который он мельком видел в бумагах отца. АКВ. Сын полковника наружного наблюдения и водитель группы прикрытия стали одним лицом. Династия огня. Кровь действительно звала кровь.

— Список пассажиров, — медленно произнес Марат. — Тех самых семи фамилий, которые отец начал составлять в предсмертной записке.

— Где? — голос Соны стал жестким, сухим щелчком взводимого курка.

— Здесь. В тексте письма. Он пишет: «Список из семи фамилий. Я знаю троих». Но дальше бумага порвана. Нам нужен оригинал того журнала регистрации. Настоящий. Не та туфта, которую подсунули прессе в марте семьдесят седьмого.

— Архивы ГБ закрыты наглухо, — напомнила Сона. — Мы уже пытались зайти через официальные каналы ветеранских организаций. Нас послали лесом прямым текстом. Сказали, что дела радиационной безопасности нет в природе.

— Значит, пойдем неофициально, — Марат встал. Тело слушалось плохо, колени хрустнули. Он прошел в ванную, плеснул в лицо ледяной воды. — Мне нужна одежда. Та, что не выглядит как реклама успешного успеха. Рабочая куртка. Ботинки со стальным носом.

Он прошел в коридор, открыл встроенный шкаф-купе. Выкинул оттуда ворох старых курток. Достал тяжелую строительную робу темно-синего цвета, заляпанную краской, и высокие армейские берцы. Одежда рабочего человека. Человека, которого никто не запоминает. Человека-призрака, который может зайти куда угодно. Например, на закрытую стройплощадку элитного жилого комплекса «Русский Авангард», который возводит компания Аркадия Ковалева в самом охраняемом поселке страны.

Перед выходом Марат остановился. Вернулся к столу. Взял фотографию отца, стоявшую в дешевой пластиковой рамке. Молодой Давид смотрит серьезно, чуть исподлобья, форма прокуратуры сидит на нем идеально. Марат аккуратно отрезал кусок паспарту снизу канцелярским ножом. Перевернул картонку. На обратной стороне почерком отца было выведено торопливыми, прыгающими буквами:

«Не бойся огня, сынок. Бойся тех, кто держит спички. Особенно если эти спички оплачены из бюджета СССР. Целую. Батя».

Марат сложил бумажку, убрал ее во внутренний карман пиджака, ближе к сердцу. Посмотрел на часы. 03:15 ночи. Самый глухой час. Время, когда смерть ходит по Москве свободнее всего.

— Соня, — сказал он в трубку. — Готовь термос с кофе. Ночь будет длинной. Игра перешла в эндшпиль. Мы идем не в архивы. Мы идем в гости.

— Марат, он раздавит тебя, — в голосе Соны впервые прорезался неподдельный человеческий страх. — Ты для него статистическая погрешность. Таксист с судимостью за хранение краденого, лезущий к генеральному директору федерального уровня. У него охрана из бывших спецназовцев. Частная армия.

Марат застегнул молнию строительной куртки доверху. Поправил воротник, закрывающий шею и нижнюю часть лица.

— Для него я — призрак, — сказал он. — А призраки могут зайти куда угодно. Скажи водителю, пусть прогревает мотор. Едем на Рублевку.

Он положил трубку. Подошел к входной двери. Положил руку на круглую фарфоровую ручку. Посмотрел на свое отражение в узком зеркале трюмо в последний раз. Изможденное

лицо. Седая щетина. Кровоподтек Хуты. И глаза, в которых плясало холодное белое пламя гостиницы «Россия».

Хлопнула входная дверь. Звук прокатился по лестничной клетке старой панельки гулким эхом выстрела, отрезающего путь назад. Сорок две души ждали своего часа. Отец ждал отмщения.

Марат вызвал грузовой лифт. Кабина приехала с грохотом, открывая темные сетчатые двери. Внутри пахло мочой и сыростью. Он шагнул внутрь, створки сомкнулись с лязгом, отрезая его от прошлой жизни таксиста Марика, от съемной студии, от долгов и одиночества.

Наверху, на парковке панельной девятиэтажки, посреди грязного сугроба, ждало обычное желтое такси эконом-класса. Без тонировки. Без кожаного салона. Без систем навигации. Машина, в которой можно незаметно подъехать к воротам любой крепости. Даже если эта крепость построена на костях четырех десятков людей, сгоревших заживо ради чистоты партийных рядов.

Водитель — молодой парень в кепке — дремал за рулем, откинув голову. Услышав шаги, он встрепенулся.

— Командир, ты чего? Мы ж договаривались только утром...

— Смена плана, — Марат открыл заднюю дверь, бросив на сиденье тяжелый рюкзак с инструментами. — Поедем прямо сейчас. На Новорижское шоссе. Знаешь поселок «Павлово»?

Парик нахмурился, прогоняя сонливость.

— Там КПП на КПП. Охрана ФСО. Меня не пустят.

— Тебя не пустят, — согласился Марат, усаживаясь вперед и протягивая водителю крупную купюру. — А аварийную службу электросетей Мосэнерго пустят всегда. У нас якобы авария на трансформаторной будке объекта «Строй-Вектора». Пропуск заказан на имя инженера Петрова. Держи.

Он вложил в руку парня ламинированный пропуск с фотографией незнакомого мужчины и печатью государственного ведомства.

— Ого, — присвистнул водитель. — Реальный ксив?

— Самая настоящая, — кивнул Марат. — Украдена у настоящего инженера вчера днем. Если спросят — ты ничего не знаешь, просто крути баранку. Я полезу в люльку чинить провода.

— Понял, — парень окончательно проснулся, заводя мотор. — До Павлова два часа пилить. Пристегнись.

Желтое такси выехало со двора. Москва встречала их пустыми, блестящими от дождя улицами. Город еще спал, не зная, что одна из его старых ран вот-вот откроется. Марат смотрел на пролетающие мимо редкие фонари. Он чувствовал запах озона. Он никуда не уходил. Запах электричества, оставленный призраком инженерной ошибки и человеческой подлости, пропитывал его легкие навсегда.

Впереди, за кольцевой дорогой, в золотом сиянии частной резиденции генерала-поджигателя, спал Аркадий Витальевич Ковалев. Спал крепко, уверенный в неприкосновенности своих миллиардов и толщине забора.

Но призракам не нужны ворота. Им достаточно одной незапертой форточки. Или аварии на линии электропередач, которая отключит камеры видеонаблюдения ровно на тринадцать

минут. Ровно столько, сколько нужно бывшему следователю, чтобы войти в кабинет и задать единственный вопрос.

Кто нажал кнопку в 21:24?

Марат сжал в кармане рукоять отвертки с изолированной ручкой. Скоро. Очень скоро Аркадий Ковалев узнает, что цена отложенного правосудия растет с каждым годом. И проценты по этому долгу выплачиваются не деньгами. Они выплачиваются страхом. Тем самым запахом озона, резины и горелого мяса, который стоит в ноздрях перед тем, как мир превращается в пепел.

Глава 48. Восемнадцатый пассажир — Соколов

Туман над Рублёвкой в ноябре был не просто погодным явлением. Он казался физическим воплощением той самой ватной тишины, что накрыла Москву после отключения трамваев на Автозаводской. Только здесь эта тишина стоила миллиарды. Она была соткана из шёпота офшоров, шелеста купюр частной охраны и глухого рыка моторов «Майбахов», чьи выхлопные системы поглощали звук лучше любой звукоизоляции.

Марат сидел на переднем сиденье убитого жизнью желтого такси. Водитель — молодой парень по имени Витя, которого они выдернули из постели три часа назад, — нервно барабанил пальцами по рулю, глядя на кованые ворота посёлка «Павлово-2». За воротами начинался другой мир. Мир, где асфальт меняли раз в год просто потому, что старый слегка поблек, а бордюры красили вручную специальной кисточкой, чтобы краска не попала на траву.

— Не пугают нас, командир, — в который раз просипел Витя. — Там ФСО пасет. У них глаз на затылке. Меня ещё на мкаде срисовали бы.

Марат молчал. Он смотрел сквозь лобовое стекло, но видел не туман, а коридоры гостиницы «Россия». Запах озона, преследовавший его последние недели, стал настолько плотным, что казалось, будто он дышит жидким электричеством. Оно щекотало нёбо и стягивало кожу на затылке.

— Скажи водителю, пусть откроет багажник, — раздался в рации голос Соны. Хриплый, прокуренный, лишённый всяких эмоций. — Сейчас будет спектакль.

Марат повернул ручку замка.

— Открывай, — бросил он Вите. — И капот тоже. Проверь всё дотошно. Если спросят про допуск уровня — смотри в пол и говори, что путевой лист у диспетчера напутал, везёшь бригаду на объект «Строй-Вектора» в Барвихе. Понял?

Водитель сглотнул и кивнул. Его кадык дернулся, как поплавок при поклевке крупной рыбы.

Ворота дрогнули и поползли в сторону с механическим величием гильотины. Свет ксеноновых фар разрезал молоко тумана. На въезде их встречали двое. Не росгвардейцы с дубинками, а тени в черных тактических костюмах без знаков различия. Лица скрыты балаклавами, но Марат профессиональным взглядом оценил стойку: вес распределен на обе ноги, руки рас-

слаблены, но готовы взорваться движением за доли секунды. Профи высшей пробы. Люди Ковалева? Или личная гвардия хозяина дома?

Один подошел к водительской двери. Второй — к задней правой, где сидел Марат. Стекло опустилось.

— Документы, — голос охранника звучал так, словно рот был забит стекловатой.

Марат протянул ламинированный пропуск службы энергохозяйства Москвы. Фотография чужая, печать синяя, настоящая. Украдено у настоящего инженера Петрова вчера днем в Мытищах. Петров сейчас спал крепким сном под присмотром людей Соны, уверенный, что просто перебрал в баре.

Охранник посветил ультрафиолетовым фонариком. Печать мигнула ядовито-розовым. Настоящая.

— Багажник, — скомандовал второй.

Витя выскочил, суетливо путаясь в ключах. Распахнул заднюю дверь. Внутри лежали бухта кабеля, пластиковые хомуты, изолированные клещи и тяжелый металлический ящик с надписью «Мосэнерго. Опасно. Высокое напряжение».

— Трансформатор на третьем участке выбило, — затараторил Витя, обливаясь потом. — Говорят, ваши кабельчики опять фазу перепутали...

Старший группы (если этот человек вообще имел звание) поднял руку. Жест означающий «молчать». Он заглянул внутрь ящика, поводит прибором, похожим на толстый маркер. Датчик металла и взрывчатки. Прибор пикнул зеленым.

— Закрывайте, — бросил охранник. — Проезжайте до четвертого КПП. Перед особняком «Сосны» остановка. Дальше пешком. Вас встретят.

Машина тронулась. Марат расстегнул куртку-алюску. Под ней скрывалась черная водолазка и костюм-двойка. Дорогая итальянская шерсть, которая теперь висела на его исхудавшем теле мешковатым саваном. Три года жизни в режиме таксиста-совы высушили его до состояния пергамента. Но глаза... Глаза стали тяжелыми. Как два свинцовых грузила, тянущих на дно.

Особняк Соколова нельзя было назвать домом. Это был архитектурный манифест холодной войны. Низкий, распластавшийся по гектару леса бетонный монолит, больше похожий на бункер или мавзолей. Стены из черного зеркального стекла отражали туман, делая здание невидимым. Казалось, оно парит в воздухе.

Их действительно ждали. Третий кордон стоял прямо на гравийной дорожке. Здесь охраны не было видно вовсе. Были только камеры, встроенные в стволы вековых елей, и датчики давления под плиткой. Марат чувствовал это подошвами армейских берцев, которые надел вместо привычных кроссовок. Каждый шаг отдавался в земле глухим эхом.

Дверь открылась сама. Бесшумно. Ни щелчка, ни скрипа. Просто прямоугольник света в темноте.

— Оставьте водителя в машине, — произнес динамик женским голосом. — Инструмент несите с собой. Хозяин любит антураж.

Марат взял ящик с инструментами. Металл охлаждал ладони даже через перчатки.

Холл встретил его запахом старого дерева, дорогой кожи и чего-то аптечного. Озон здесь пах иначе — не грозой, а стерильностью операционной. Марат прошел по персидскому ковру, ворс которого глушил звуки эффективнее, чем выстрел в упор.

Кабинет находился в цокольном этаже. Тяжелая дубовая дверь, которую сегодня уже вряд ли делают мастера. Марат толкнул её плечом.

Пространство внутри напоминало библиотеку Британского музея, скрещенную с Центром управления полетами. Стеллажи до потолка, уходящие во тьму. Мерцание десятков мониторов дежурного режима. И огромный камин из черного мрамора, в котором тлели настоящие дубовые поленья.

В кресле у огня сидел старик.

Он не встал. Даже не повернул головы сразу. Соколов выглядел именно так, как описывают смерть в учебниках геронтологии: высохшая мумия, одетая в кашемир. На нём был халат из верблюжьей шерсти, перехваченный поясом. Из-под халата виднелась шёлковая пижама. Ноги укрыты пледом из шиншиллы.

— Электричество отключил ты? — спросил Соколов, не поворачиваясь. Голос был сухим, ломким, но абсолютно спокойным. В нём не было страха. Лишь академический интерес энтомолога, поймавшего редкую бабочку. — Реле времени на щитке Мосэнерго. Неплохо для любителя. Садись. Кофе будешь? Или твой отец предпочитал чай с баранками?

Марат поставил ящик на паркет. Звук получился неожиданно громким.

— Где он? — голос Марата сел, превратившись в хрип.

— Кто? Огонь? — Соколов наконец медленно повернул голову. Лицо состояло из костей и тонкой пленки кожи. Нос острый, как клюв хищной птицы. Глаза же были живыми, яркими, голубыми. Молодыми. Они смотрели на Марата с отеческой теплотой, от которой становилось жутко. — Огонь внизу, в колумбарии. А может, в канализации Капотни. Пепел всегда находит путь вниз.

— Ты знаешь, зачем я здесь.

— Знаю, — кивнул Соколов. — Ты пришел закончить уравнение. Найти переменную "икс". Тебе кажется, что если ты узнаешь имя последнего убийцы, то душа твоего отца обретет покой. Милый мальчик... Души инженеров двадцатого века не находят покоя. Их взвешивают на весах истории, и гири служат трупы.

Соколов указал узловатой рукой на второе кресло.

— Сядь. Разговор предстоит долгий, а мои почки уже отказывают фильтровать стоячую кровь. Я хочу умереть сидя, как подобает члену Политбюро. Хотя формально я им никогда не был.

Марат остался стоять. Он обошел кресло кругом, держа дистанцию. Каждое движение давалось ему с трудом — мышцы превратились в натянутые тросы.

— Мой отец предал встречу, — сказал Марат. Это прозвучало не как вопрос, а как обвинение, брошенное в лицо мертвецу тридцать лет спустя.

Уголок губ Соколова дернулся вверх. Кривая, неживая усмешка.

— Предал... Громкое слово для шестеренки. Давид Ильич Вергасов был хорошим следователем. Ключевое слово — «был». Пока не понял, что расследует не преступление, а политику ЦК. Он пошёл в прокуратуру Замоскворечья. Написал первичку. Температуру плавления меди зафиксировал верно — тысяча двадцать градусов. Температура в шахте — тысяча двести. Молодец. Пятёрка по физике. А потом пришёл Смирнов.

— Полковник.

— Полковник-пешка, — отрезал Соколов. — Аркадию Борисовичу тогда едва исполнилось сорок пять. Мальчишка. Исполнитель. Ему сказали привезти коньяк и бумагу на подпись — он привёз. Нет, твой отец пошел выше. Гораздо выше. Он дошёл до Старой площади. До кабинета человека, чьё имя тебе ничего не скажет, потому что его не было ни в одном справочнике. Заведующий сектором науки и тяжелой промышленности. Серый кардинал радиорезерва страны.

Соколов тяжело вздохнул, потянувшись к столику за бокалом с коньяком. Янтарная жидкость маслянисто перекатилась по стенкам хрустала.

— Ему пригрозили. О, нет, не посадкой. Посадить сына прокурора — это скандал. Ему предложили выбор. Красивый такой, математически выверенный шантаж. Вариант А: Давид подписывает отчет о коротком замыкании. Получает орден Трудового Красного Знамени, путёвку в санаторий «Барвиха» и гарантию, что сын Марат вырастет в полной семье, поступит в МГУ и станет человеком. Вариант Б: Давид настаивает на версии направленного импульса. Дело уходит в Особую инспекцию ЦК. Давида переводят старшим помощником младшего лесничего куда-нибудь за Полярный круг. Жену увольняют. А тебя... тебя определяют в дом малютки номер семь города Анадырь. Для детей врагов народа. Специальный интернат. Оттуда выходят либо с оленьими рогами на стене, либо сломанными навсегда.

Марат почувствовал, как тошнота подступает к горлу. Горькая, едкая желчь.

— Он выбрал меня, — прошептал он.

— Он выбрал жизнь, — поправил Соколов. — Это разные вещи, мальчик. Жизнь — это кредит под бешеные проценты. Твой отец подписал вексель кровью сорока двух человек. Но пожар... — Соколов сделал паузу, смакуя момент. — Пожар был не его рук дело. Совсем.

— Лакоба, — выдохнул Марат. — Канистры с бензином.

— Лакоба был мясником. Мусором. Дымовой шашкой, — презрительно фыркнул старик. — Он думал, что контролирует ситуацию со своими двенадцатью абреками в прачечной. Дурак. Он блокировал двери, думая, что спасает улики сделки. А на самом деле он герметизировал крематорий. Лакоба получил свои деньги через ипподром и сдох от сердечного приступа в девяносто втором, когда узнал, что все его счета заблокированы людьми, которых он считал друзьями. Жалкая фигура.

— Тогда кто? Жак? Запад купил технологию и зачистил свидетелей?

Соколов рассмеялся. Сухой, лающий кашель, перешедший в смех.

— Запад? Мальчик мой, мы продавали Западу прошлогодний снег в красивой упаковке. То устройство, что собрали радисты... Импульс высокой частоты... Оно работало нестабильно. Выгорало за один сеанс. Детский конструктор. Настоящий прототип улетел в Сибирь еще в семидесятом. Жаку подсунули макет. Золотой слиток, который он унёс из «России», оказался вольфрамовым внутри. Контрольный выстрел в голову мировой разведки. Пусть ищут призраков.

Марат оперся руками о край стола. Дерево затрещало под его пальцами.

— Зачем тогда весь этот огонь? Сорок две души? Если товар был фальшивкой?

— Потому что сгорело не то, что вынесли, — тихо сказал Соколов. — Сгорело то, кто знал правду. Радисты на семнадцатом этаже. Они собирали установку по чертежам, которые видели целиком. Они знали частоту. Они знали источник питания. И самое главное — они знали, что установка предназначалась не для продажи. Она стояла там стационарно. Наводилась на юг. На американские станции раннего предупреждения.

Марата пробил холодный пот.

— Это была провокация Третьей мировой?

— Это был аргумент в споре бульдогов под ковром, — покачал головой Соколов. — Февраль семьдесят седьмого. Подготовка к съезду. Чистки. Группа Соколова против группы Романова. Нужна была демонстрация технологического превосходства, чтобы забрать бюджет оборонки. Но группа Смирнова... те самые люди в серых пальто... они решили сыграть ва-банк.

Соколов отставил бокал. Встал. Медленно, опираясь на трость с набалдашником в виде волчьей головы. Он подошел к сейфу, скрытому за панелью книжного стеллажа. Набрал код. Щелчки механизмов звучали как метроном смерти.

— Пожар устроил пятый, — произнес Соколов, доставая кожаную папку. — Тот, кто знал о встрече ЦК и радистов, но не был приглашён.

Он положил папку на стол перед Маратом.

— Открой.

Руки Марата дрожали. Он поддел металлическую застежку. Внутри не было бумаг. Только одна фотография формата А4. Чёрно-белая, зернистая, переснятая с другого кадра.

Внутренний двор гостиницы «Россия». Утро. Клубы дыма. На первом плане — носилки с телом, накрытым простыней. Чуть дальше — синяя «Волга» госномер МОС.

А рядом с машиной стояли двое. Полковник Смирнов («Старый Лис») и... мужчина. Среднего роста. Плотное телосложение. Короткая стрижка бобриком. Пальто дорогое, импортное, таких не было в открытой продаже. Лицо плоское, широкое. Никаких особых примет. Именно такое лицо рисуют в пособиях для криминалистов под заголовком «Незапоминающееся».

— Кто это? — севшим голосом спросил Марат.

— Это настоящий хозяин ночи, — ответил Соколов. — Аркадий Борисович Смирнов. Старший. Отец того полковника, к которому ездил твой отец слушать кассеты. Генерал-лейтенант Комитета партийного контроля КГБ СССР. Невидимый департамент. Человек, чей каби-

нет находился в подвале здания на Лубянке, хотя официально числился консультантом архива Министерства культуры.

Марат всмотрелся в фото. Теперь он понимал, почему отец на пленке говорил про запах операционной. Озон. Высоковольтный разряд.

— Установка... Она была не в радиоузле?

— Радиоузел был ширмой, — кивнул Соколов. — Источник энергии находился в техническом коллекторе под четырнадцатым этажом. Силовой кабель стратегического резерва ПВО Москвы проходил именно там. Радисты использовали утечку как питание для своего усилителя. Смирнов-старший узнал об этом первым. Через прослушку. Идеально. Устройство есть. Энергия есть. Нужен лишь предлог.

— Зачем ему убивать своих? Своих радистов?

— Они не были «своими», — жестко отрезал Соколов. — Они были учёными. Романтиками. Интеллигентами. Они думали, что создают связь с внеземными цивилизациями или систему защиты неба. Смирнов знал правду. Они создали идеальный выключатель. Луч, способный ослепить спутниковую группировку НАТО над Европой за наносекунду. Представляешь масштаб? Если направить такую мощность не в небо, а в хранилище золотых запасов США? Или в реактор атомной станции?

Смирнов решил украсть готовый продукт. Но сделать это нужно было чисто. Без шпионов, без обменов на мосту Глинике. Нужно было уничтожить лабораторию, образцы и всех причастных, списав всё на бытовуху.

— Лакоба дал бензин, — продолжил Соколов, возвращаясь в кресло. Суставы старика хрустели при каждом движении. — Переверзева отключила лифты. Я обеспечил политическое прикрытие и легенду о передаче образцов соцлагерю. Жак послужил наживкой для контрразведки Запада. А Давид... Давид должен был стать нотариусом смерти. Заверить своей фиолетовой мастикой, что Бог виноват в плохом состоянии проводки.

— Но отец спрятал плёнки, — процедил Марат. — Он оставил мне портфель.

— Он оставил тебе проблему, — улыбнулся Соколов. — Смирнов требовал оригиналы негативов. Те кадры, где видна синяя «Волга» у пролома. Давид отдал почти всё. Засвеченное вспышкой пожара, испорченное жаром. Но три кадра снизу... Те, где решетка коллектора валяется в стороне... Он спрятал их. Страховка. Династийная страховка.

Марат выпрямился. Кровь шумела в ушах, заглушая треск поленьев в камине.

— Список семи фамилий. Отец начал писать...

— Их было восемнадцать, — мягко прервал его Соколов. — Не семь. Семь ключевых фигур внизу, знавших о логистике чёрного хода. И одиннадцать радистов наверху, считавших вольты. Восемнадцать лишних ртов. Твой отец спас восемнадцатого. Маленького мальчика с температурой сорок. Выбросив тебя из уравнения, он нарушил баланс сил. Система такого не прощает. Поэтому она пришла за ним позже. Через инфаркт. Тихо, в собственной постели. Чтобы не марать полы новой «Россией», которую построили на костях старой.

— Где он сейчас? — спросил Марат. — Сын этого... Смирнова. Ковалев.

Глаза Соколова сверкнули ледяным огнем.

— Ах, вот оно что. Вендетта. Кровь за кровь. Понимаю. Очень по-кавказски. Аркадий Витальевич процветает. Член правления «Газпрома», застройщик, меценат. Его забор в Барвихе стоит дороже, чем твоя жизнь и жизнь всех твоих друзей вместе взятых. Ты думаешь убить его?

— Я думаю спросить, — голос Марата стал низким, вибрирующим. — Какой рукой его отец крутил руль синей «Волги» в утро пожара.

Соколов закрыл глаза. На мгновение показалось, что он заснул или умер прямо в кресле. Затем он открыл их. Взгляд был острым, как осколок бутылки.

— Ты опоздал, мальчик. Лет на тридцать. Смирнов-старший умер в восьмидесятом. Застрелился. Официально — депрессия. Неофициально — он проиграл следующую партию. Игры престолов бесконечны, меняются только имена на дверях. А плесень остается.

— Значит, Ковалев чист? — с угрозой спросил Марат, делая шаг вперед.

— Ковалев — наследник империи, построенной на лжи, — пожал плечами Соколов. — Но курок спускал не он. И не его отец.

Марат замер. Логическая цепь, которую он выстраивал годами, рассыпалась песком.

— Был кто-то шестой?

— Я же сказал — пятый, — терпеливо повторил Соколов. — Тот, кого не звали. Тот, кто организовал саму возможность встречи. Место действия. Гостиница «Россия». Знаешь, кому она принадлежала? Управлению делами ЦК. А кто курировал хозяйственную часть Управления делами? Кто назначал комендантов гостиниц? Кто контролировал закупки авиационного бензина для нужд номенклатуры?

Слова падали в тишину комнаты, как камни в глубокий колодец.

— Управление делами делилось на два крыла. Официальное — мебель, дачи, путёвки. И теневое — спецфонды, оперативные квартиры, ликвидационные материалы. Поставщиком горючего для специальных операций по линии Москвы и области значился склад Мосгорисполкома. Начальник склада...

Соколов выдержал паузу, наслаждаясь эффектом.

— Некто Георгий Ираклиевич Лакоба. Да, тот самый вор в законе. Но кем он был до того, как надел кепку-аэродром? Майором интендантской службы МГБ. Специалистом по горючесмазочным материалам.

Марат схватился за спинку кресла. Дерево затрещало.

— Лакоба сам себя?..

— Лакоба выполнял приказ, — жестко оборвал Соколов. — Приказ человека, который сидел в кабинете напротив Зимина. Человека, который ненавидел Смирнова-старшего лютой

ненавистью. Смирнов хотел продать импульс американцам через Жака. А конкурент Смирнова хотел использовать его как козырь в борьбе за пост Председателя КГБ.

Соколов ткнул узловатым пальцем себе в грудь.

— Здравствуй, Марат. Я — Соколов. Но не тот идеолог из ЦК, которого ищет твой архивариус. Я — Михаил Андреевич Соколов. Советник председателя КГБ Андропова по особым техническим вопросам. Тот самый «Серый куратор», чья фамилия вымарывалась химическим карандашом из всех ведомостей.

Воздух в комнате внезапно стал густым. Марат пошатнулся. Вся картина мира перевернулась.

Отец не предавал. Он пытался выжить между двумя жерновами спецслужб, которые готовили государственный переворот, используя гостиницу «Россия» как тир и крематорий одновременно.

— Почему ты мне это рассказываешь? — прохрипел Марат. — Зачем тебе облегчать мне задачу?

Соколов издал странный звук, похожий на смешок и скрип несмазанной петли.

— Облегчить? — он снова полез в карман халата. Достал ингалятор, вставил в рот, нажал. Втянул воздух со свистом. — Моя задача, мальчик, передать эстафету. Я умираю. Рак жрет меня изнутри быстрее, чем воспоминания. Мой враг — Смирнов — давно кормит червей. Но осталась структура. Остались деньги. Остались связи.

Он посмотрел прямо в глаза Марату. Впервые за вечер в этих глазах мелькнуло что-то человеческое. Усталость.

— Ты — вирус, Марат. Незапланированная переменная. Призрак, как ты сам выразился. Тебя нет в базах данных ФСБ как угрозы. Ты — таксист с судимостью. Шум. Фон. Ты можешь подойти к Ковалеву вплотную и перерезать ему горло струной от пианино, а охрана решит, что это упал сквозняк.

Соколов достал из внутреннего кармана халата флешку. Обычную, пластиковую, дешевую.

— Здесь всё. Все банковские проводки. Все паспорта Смирновых, Соколовых, Переверзевых. Вся цепочка от канистры с бензином до золотого слитка в ячейке швейцарского банка. Копия моего личного архива. Я собирал её сорок лет. На случай, если кто-то вроде тебя придёт поговорить по душам.

Он бросил флешку на стол. Она скользнула по дереву и остановилась возле фотографии из сейфа.

— Забирай. Закончи свою войну. Убей мальчишку Ковалева, если тебе станет легче. Мне всё равно. Но помни: когда ты отрежешь голову змее, тело будет дергаться ещё долго. Система имеет свойство регенерировать. Сегодня ты сожжёшь одного генерала, завтра система родит троих новых.

Марат смотрел на флешку. Потом на старика.

— Восемнадцатый пассажир, — тихо сказал он.

— Что? — не понял Соколов.

— Вы сказали, их было восемнадцать. Радисты и персонал. Но в протоколах пожарной охраны значится сорок два погибших. Сорок минус восемнадцать — двадцать два. Кто остальные?

Лицо Соколова окаменело. Маска вежливого цинизма дала трещину. Губы побелели.

— Двадцать два... — прошептал он. — Охрана этажа. Сотрудники хозяйственного блока. Девочки из регистратуры. Горничные.

Он вдруг схватился за сердце. Пальцы впились в ткань халата так, что суставы побелели.

— Никто не планировал сорок два, — выдохнул он. — Планировали пятнадцать. Радисты и Сомов. Остальные должны были уйти по лестнице «Б». Но Лакоба перестарался. Блокираторы дверей заклинило от температуры. Ковролин вспыхнул как порох. Дым... угарный газ... они даже не проснулись. Спали в служебках на двадцатом. Двадцать два статистические ошибки.

Соколов согнулся пополам, заходясь в жестоком кашле. На губах выступила розовая пена.

— Господи... какая жара... — прохрипел он, оседая на пол. — Откройте окна... Дышать нечем...

Марат стоял неподвижно. Он смотрел, как создатель этой бойни умирает на персидском ковре, хватая воздух скрюченными пальцами. Никакого удовлетворения. Никакой радости. Только бесконечная, космическая усталость.

Старик затих. Глаза остались открытыми, уставившись в потолок. В них отражались языки пламени из камина.

Марат подошел к столу. Взял флешку. Повертел в руках. Холодный пластик обжигал пальцы.

Затем он взял фотографию из сейфа. Ту самую, с синим «Волгой» и плоским лицом Смирнова-старшего.

На обратной стороне почерком Соколова было выведено:

«Аркадию. Помни 21:24. Привет от пятого элемента».

Марат сложил фото пополам. Положил в карман к записке отца.

— Спасибо за честность, — сказал он мертвецу. — Редкий товар.

Он поднял с пола ящик с инструментами «Мосэнерго». Повернулся к выходу.

Взгляд его упал на каминную полку. Там, среди фотографий внуков и кубков за парусные регаты, стояла маленькая бронзовая статуэтка. Миниатюра гостиницы «Россия». Литой металл, точная копия шпиля.

Марат подошел. Взял статуэтку в руку. Тяжелая. Холодная.

Символ ада, в котором сгорела половина его семьи.

Он размахнулся и с силой швырнул статуэтку в панорамное окно.

Звук разбившегося бронированного стекла прозвучал в тишине кабинета оглушительно, как залп крейсера. Осколки посыпались на террасу, исчезая в тумане.

Сработала сирена сигнализации. Протяжный, низкий вой, похожий на голос раненого зверя.

Марат не побежал. Он спокойно вышел в холл. Прошёл мимо камер, фиксирующих взлом. Спустился по лестнице.

Охрана вбежала в кабинет через минуту. К этому моменту Марат уже садился в машину Вити.

— Что случилось? — бледный водитель смотрел на бегущую охрану. — Нас сейчас положат!

— Газ, — коротко бросил Марат, пристегивая ремень. — У него проблемы с датчиком утечки. Поехали. Быстро, но аккуратно. Мы — бригада электриков. Едем чинить свет тем, кто живет во тьме.

Такси плавно тронулось с места, разворачиваясь на мокром гравии. Сирена элитного посёлка провожала их, сливаясь с гулом ветра в верхушках сосен.

Марат смотрел в зеркало заднего вида. Дом Соколова тонул в тумане. Архитектор мертвых ушел красиво, забрав тайну устройства с собой в могилу. Но наследство осталось.

Флешка в кармане жгла бедро сквозь толстую ткань брюк.

Сорок две души. Двадцать две ошибки. Один отец, ставший трусом ради сына. И один сын, ставший призраком ради правды.

Впереди показался выезд на Новорижское шоссе. Москва просыпалась, включая миллионы огней.

Где-то там, в золотом сиянии рублевских сосен, спал Аркадий Ковалев. Сын водителя. Наследник пепла.

Марат сжал кулак. Костяшки хрустнули.

Игра перешла в миттельшпиль. И следующим ходом он пойдет е2-е4. Прямо в гостиную генерала-поджигателя.

Запах озона в салоне машины становился невыносимым. Ток бежал по венам, ища заземление.

Ночь обещала быть долгой.

Глава 49. Пятый

Ноябрьский рассвет над Москвой был цвета застиранной больничной пижамы. Серый, сырой, лишенный всякой надежды на солнце. Марат сидел в кресле Соно, которое жалобно скрипело под его весом при каждом движении. Его собственная квартира на Автозаводской казалась теперь декорацией к прошлой жизни — той, где он был таксистом Мариком, неудачником с судимостью и долгами по алиментам, которых не было.

Сейчас перед ним лежала карта преступления. Не нарисованная тушью на ватмане, как в старых фильмах, а собранная из обрывков реальности: пожелтевшие бланки прокуратуры Замоскворечья, распечатки банковских проводок через офшоры Кипра, которые Соно выудила из даркнета, и фотографии. Пять лиц смотрели на него со стола.

Соколов. Холодный мрамор власти.
Лакоба. Гниющая плоть криминала.
Жак. Бездушная пустота капитала.
Переверзева. Страх, замаскированный под должностную инструкцию.
Давид Вергасов. Кровь. Его кровь.

Марат провел ладонью по лицу. Щетина колола кожу, но ощущения были притуплены. После пожара в «Мерседесе» Хуты и драки, после трех суток без сна, реальность фильтровалась сквозь слой толстого стекла. Единственное, что пробивалось сквозь эту преграду — запах озона. Он шел от пальцев, которыми он касался клавиатуры, от воротника куртки, от самого воздуха. Запах электрического разряда перед ударом молнии.

— Лакоба мертв, — голос Соны прозвучал сухо, как треск ломающейся ветки. Она стояла у окна, глядя на серую муть дождя. В её руке дымилась сигарета без фильтра. — Умер три года назад. Инфаркт. В «Белом лебеде». Перед смертью сотрудничал. Говорил много, но всё мимо.

Марат взял протокол допроса, который она бросила на стол. Бумага пахла тюрьмой — хлоркой, несбывшимися мечтами и дешевым чаем.

«...Я только двери держал, начальник. Мне сказали — поддержи час, пока мальчики сверху закончат, я подержал. Сказали, будет премия наличными, переведут через бега. Я ждал. А потом мне дали десять лет строгого. Где мои деньги? Мои люди внизу легли, двенадцать душ! За что?»

— У него были люди, — произнес Марат, не поднимая глаз от текста. — Кто-то должен был спуститься в коллектор. Кто-то знал схему городских газовых магистралей. Это не урка с фомкой. Это инженер или...

— Или куратор из Конторы, — закончила за него Сона, стряхивая пепел прямо на подоконник. — Думаешь, старый Лис Смирнов лично крутил вентили?

Марат откинулся в кресле. Кресло издало звук, похожий на стон умирающего животного.

— Лакоба сел. Но сделка сорвалась. Золото ушло Жаку, а технология осталась здесь. Значит, кто-то внутри системы нажал кнопку отмены. Самым радикальным способом.

Он встал. Подошел к металлическому шкафу, стоящему в углу комнаты. Достал связку ключей, которую забрал из отцовского портфеля. Старый советский замок щелкнул с глухим недовольством. Внутри, переложенные ветошью, лежали катушки магнитофонной ленты. Марат достал одну. МК-60. Черный пластик, потертая этикетка, сделанная химическим карандашом.

— Отец искал пятого, — сказал он, вставляя ленту в «Язу-Мини». — В предсмертной записке он пишет: «Список из семи фамилий. Я знаю троих». Трое — это те, кто был за столом. Соколов, Лакоба, сам отец. Остальные четверо — исполнители. Но есть пятый. Тот, кто знал о встрече, но не был приглашен.

Щелчок тумблера. Шипение, похожее на шум крови в ушах. Затем — скрежет стула и молодой, звенящий от адреналина голос отца:

«...Сегодня я ездил на пепелище. Формально — подписать акт передачи дел пожарной охране. Фактически... я хотел увидеть место преступления без мундиров КГБ. Радиоузел. Все

говорят про паяльник. Я взял протокол экспертизы. Температура плавления меди — тысяча тридцать градусов. Температура в шахте — тысяча двести...»

Марат прибавил громкость. Голос отца заполнял комнату, вытесняя запах озона запахом старой пленки.

«...Когда я спустился в технический коллектор под четырнадцатым этажом... там пахло операционной. Озон. Резина. Медью пахло так, что зубы ныли. Стена была прожжена насквозь. Не прогорела — прожжена. Ровное отверстие, края блестят стеклом. Так бьет высоковольтный разряд...»

— Высоковольтный разряд, — повторил Марат. — Нужна подстанция. Силовой кабель. Допуск уровня "Государственная тайна".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.